

Образы языка в контрастивном освещении¹

В. З. Демьянков

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация: Корпусные исследования последних лет выявили глубокие связи между устройством языка и тем, как о языке и о других явлениях культуры и мышления принято говорить в разных культурах. В статье демонстрируется контрастивный подход к исследованию образов языка в русском и некоторых других языках.

Ключевые слова: Лингвистический метаязык, концепт vs. понятие языка, цивилизация vs. культура, социология текста, исследование человеческой ментальности.

УДК: 81.13.

Контактная информация: Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1, ИЯз РАН. Тел. (495) 690 03 36. E-mail: valera.valing@gmail.com.

Выражение *образы языка* трактуется двояко:

• образы, которые принимает язык², в которых он предстает перед нами; так, далеко не всегда язык как предмет лингвистики называли по-русски язы-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта ведущих научных школ НШ-2084.2014.6 «Образы языка и многоязычия в различных типах дискурсов».

² Например, Г. фон дер Габеленц исходил из трех значений слова *язык* (*Sprache*) в обыденном узусе [Gabelentz, 1891, S. 3-4]: 1) средство выражения для мысли, то есть речь; 2) совокупность средств выражения для мысли: *язык народа, профессионального класса, писателя* и т. п.; 3) язык как *Sprachvermögen*, врожденная способность человека выражать мысли. Совершенно иным было основание классификации у А. Марти [Marty, 1904/1940, p. 79]: 1) в самом широком смысле – знаки, на основании которых делается вывод о физических или психических событиях: *природа (или история) говорит ясным языком*; 2) в более узком смысле – знаки психических процессов, часто подаваемые неосознанно или со скрытым намерением, а именно: а) *действия чело-*

ком: в XIX в. более распространены были термины *слово*, *речь* и т. п.; за пределами науки о языке эта традиция сохранилась до сегодняшнего дня;

- образы, которые принимают иные сущности и в которых мы их принимаем за язык; например, мы говорим о *языке танца*, вовсе не предполагая, что выразительные средства и отдельные выражения танца всегда переводимы на «обычные» языки и наоборот.

Образы первого рода – главный предмет языковедческого исследования; лингвисты исследуют, как создаются и используются «языковые произведения» – слова, предложения, тексты. В профессиональную сферу наших интересов входят и языки-объекты, и метаязык – выразительные средства, используемые в нашей профессиональной «речи о языке». Тем не менее, даже говоря на узкопрофессиональные темы, мы исследуем и интерпретируем язык-объект: «врожденная» направленность нашей дисциплины в том, что мы везде ищем и находим некий (скрытый от непосредственного наблюдения) объект – язык, который предопределяет возможность строить в неограниченном количестве «языковые» выражения и понимать их.

Постижение этого скрытого предмета происходит в результате реконструкции идей, упоминаемых в речи. Говоря же о языке в обыденной жизни, в художественной речи или в рамках наших профессиональных рассуждений, мы опираемся на образ языка, созданный поколениями носителей языка и коллегам на цеху. Как известно, эти образы варьируются от культуры к культуре, от языка к языку (см.: [Демьянков, 2000]). Конкурируют две гипотезы:

- так же как нет понятия «красота человека вообще», нет и понятия «язык человека вообще», а есть различные конкретные идеи языка: «язык по-русски» (как его представляют в русской речи), «язык по-немецки», «язык по-японски»; термины же *язык*, *language*, *langue*, *langage*, *Sprache*, *мова* и т. п. – всего лишь условные «переводные эквиваленты» (подобные национальным валютам), обладающие различной ценностью в рамках конкретных национальных взглядов;

- за всеми национальными идеями языка лежит общая идея «язык вообще»; поэтому существует столько лингвистик, сколько существует разных языков.

Оба подхода зафиксированы в истории нашей науки: «универсалистский» (например, «грамматика Пор-Рояля») и «идиотнический».

Предлагаемый ниже компромиссный взгляд состоит в том, чтобы посмотреть на обе гипотезы под эмпирическим углом зрения и установить, в какой мере материалы различных языков дают основания заподозрить наличие единого «концепта» (или реконструкта) «язык» (см.: [Демьянков, 2001]) на основании того, как о языке принято говорить в разных культурах. При этом

века, «говорящие» (более или менее) отчетливым языком; б) произвольное проявление внутренних переживаний (восклицание радости, произвольный смех, плач и т. п.); 3) в еще более узком смысле – невольное сообщение о внутренней жизни с помощью каких-либо знаков – как понятных самих по себе (типа подражательных), так и условных; 4) самое узкое значение – в языкознании: сознательное сообщение о психической жизни звуками, понятными исключительно по конвенции и по привычке.

«языку» как переводному эквиваленту не приписывается никаких универсальных свойств за пределами необходимости.

Эта задача сродни той, которая ставится в рамках «лингвистической философии», «лингвистической психологии», «лингвистической эстетики», «лингвистической политологии» и т. д. [Демьянков, 2013], когда на основании наблюдений над строением и употреблением выражений, обозначающих понятия конкретных этих наук (философии, психологии, эстетики, политологии и т. д.) реконструируются сами эти понятия; реконструируемые понятия называются при этом концептами, чтобы отличить их от тех понятий, по поводу названия которых существует явная договоренность между людьми.

По аналогии с другими подобными дисциплинами можно сказать, что мы занимаемся «лингвистической лингвистикой», а именно: лингвистическими методами пытаемся установить семантику и прагматику терминов, в которых заинтересована наука о языке. Поскольку же метод наш заключается в контрастивном сопоставлении данных разных языков, можно сказать, что речь идет о «контрастивной лингвистической лингвистике».

В результате анализа большого корпуса русской классической литературы [Демьянков, 2000] мы приходим к довольно дробной классификации контекстов, в которых употребляется русское слово *язык*.

Контексты делятся на два класса.

1. Неспецифичные для слова *язык*. В них вместо слова *язык* можно подставить имя любого другого предмета; в этом случае предикаты, атрибуты и т. п., употребляемые со словом *язык*, примерно столь же удачно приложимы к любому другому имени; ср., например: *язык существует, нравится, отражает, на язык влияют, язык рассматривают, реконструируют* или *определяют (как нечто)*; или он сам *выступает* как нечто; или *язык связывают* с чем-либо и т. п.

2. Специфичные для слова *язык*.

Более интересен для нас второй класс контекстов, в нем выделяются два больших подкласса: «лингвистический» язык (предмет лингвистики) и «нелингвистический» язык (материальный объект, прототипически – орган во рту человека, а также предметы, напоминающие этот орган по форме и / или по функции).

У «лингвистического языка» выделяются следующие три типа контекстов, в которых слово *язык* выступает в прямом значении.

1. Язык-хранилище: система словесного выражения мыслей, служащая средством общения людей, то есть *langue* Ф. де Соссюра (1857–1913); типовые конструкции: *в английском языке есть артикли; слово в русском языке из латинского языка; древнегреческий язык обладает богатой глагольной системой; богатый / бедный язык.*

В обыденной речи язык сравнивают с копилкой, складом, даже водохранилищем чаще, чем с системой (хотя исходное значение слова *система* в греческом – все тот же ‘склад’), называя собранием или совокупностью знаков, слов, выражений. Предикаты, соответственно, обычно представлены глаголами местонахождения или передвижения в трехмерном пространстве. Словосочетание *словарный запас языка* по синтаксическому устройству напоминает словосочетание *скифская коллекция Эрмитажа*. Роль хранилища лексикали-

зована в русском сочетании *сокровища языка*, в книжном английском *word-hoard*, в немецком *Wortschatz* и т. д.

Качества языка как хранилища включают обширность и скудость, богатство и бедность, словом, то, чем характеризуются всякие коллекции: *Но затем, когда автору уже не до того, ввиду бурного разлива драмы, всякая иностранная слабость речи отбрасывается, русский стихийно обретает богатый язык коренного француза [...] (Набоков); И позабыла речь богов / Для скудных, странных языков, / Для песен степи, ей любезной... (Пушкин); О, нашей жизни скудная основа, / Куда как беден радости язык! (Мандельштам)*. Богатство языка – в выразительных возможностях его: *Русский язык достаточно богат, он обладает всеми средствами для выражения самых тонких ощущений и оттенков мысли (Горький)*.

2. Язык как объект с инструментальным предназначением: стиль, слог; одновременно соответствует и *langue*, и *parole*, и *langage*. Например: *Но ты видением поэта / Прочтешь не в буквах, а в другом, / Что в той стране, где власть Советов, / Не пишут старым языком (С. Есенин)*. В этой роли язык особенно легко элиминировать, ср.: *не пишут так, как писали раньше*.

Язык-инструмент в нетерминологическом узусе обслуживает продуцирование, но не понимание речи. Это видно из того, что лингвистический язык в роли инструмента принимает предикаты выражения, речевой, а не речемыслительной деятельности. Так, можно *говорить, писать, рассказывать вычурным языком*, но не ** понимать / * думать вычурным языком*, потому что нельзя вообще ** понимать / * думать языком* (можно *понимать язык и думать на языке*, но это уже другие образы). Даже предикат *изъясняться* предпочитают употреблять с предложным управлением, а не с творительным падежом: *Вот уже, слава богу, лет тридцать как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем, и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке (Пушкин)*. *Изъясняться* сводимо просто к речи только при забвении внутренней формы ‘сделать так, чтобы вас понимали’, поэтому *изъясняться отечественным языком* звучало бы здесь странно.

Творительный падеж по-русски обычно обусловлен глагольным управлением. Поэтому недопустимо именное сочетание ** песенка немецким языком*. Но само слово *язык* в инструментальных оборотах бывает, при определенных условиях, избыточным. Например: *А того горохового панича, что рассказывал таким вычурным языком, которого много остряков и из московского народу не могло понять, уже давно нет (Гоголь)*. Нельзя сказать: ** так вычурно рассказывал языком*, но можно: *так вычурно рассказывал*¹. Язык в творительном

¹ Верно это и для других предложений: *И все языком, сердцу внятным, / О нежной страсти говорит (Пушкин)*, перифраз – *говорит понятно сердцу; Интеллигентным языком это долго все описывать, а народ говорит об обыске так: ищут, чего не клали (Солженицын)*, перифраз – *интеллигентно*. В одном месте М. Горький пишет об ощущении адресата, пытающегося понять невразумительный язык: *Вся эта премудрость была изложена в письме, обширном, как доклад, и написанном таким языком, что, читая письмо, я почувствовал себя иностранцем (Горький)* – можно перифразировать: *написано так, что...*

падеже напоминает обороты с фактивным элементом, такие как: *идти быстрым шагом / быстрой походкой, умереть смертью храбрых, любить странную любовь*.

3. Язык-сцена, или платформа: средство и манера речи, общения, не обязательно вербального (*язык музыки*); что-то вроде *langage*. Типовые конструкции: *перевести с одного языка на другой, перейти на общепонятный язык, найти общий язык*.

Когда говорят, что некто прекрасно говорит, поет, пишет и т. п. **на** каком-либо языке, одновременно затрагивают две «роли» языка: комфортность сцены для говорящего и качество владения языком как инструментом: *Он подошел к мадам Шталь и заговорил на том отличном французском языке, на котором столь немногие уже говорят теперь, чрезвычайно учтиво и мило* (Л. Н. Толстой).

В таких случаях хвалится или порицается не английский, немецкий, французский, русский или иной язык сам по себе – не инструмент или хранилище, и даже часто не сам уровень знаний языка, а манера обращения с языком «на сцене». Вне такой сцены нельзя проявить владение языком. На этой манере может сказаться и «сценическое волнение», когда говорят неправильно или неадекватно ситуации, хотя прекрасно владеют языком: *Я мог бы позвонить, но боясь, что потеряю власть над голосом и разражусь жеманным кваканьем на ломаном английском языке, я решил заказать на будущую ночь по телеграфу комнату с двумя постелями* (Набоков). И наоборот, даже поверхностное знание языка-объекта не мешает «актеру», хорошо чувствующему себя на «сцене языка», показать свое умение: *А по-моему, графин водки выпил – вот и заговорил на всех языках* (Достоевский).

Владение бывает и нарочно подано как несовершенное, что случайно обнаруживается: *Сиреневый, провалившись в кадку, на чистом русском языке, без признаков какого-либо акцента вскричал: «Убивают! Милицию! Меня бандиты убивают!»* – очевидно, вследствие потрясения внезапно овладев до тех пор неизвестным ему языком (Булгаков). Употребление языка-сцены, а не инструментального свидетельствует о том, что деланность акцента с самого начала была очевидной для пишущего, ср. эпизод из романа «Дубровский», где пишущий (Пушкин) смотрит на событие глазами ни о чем не догадывающегося человека: *“Тише, молчать, – отвечал учитель чистым русским языком, – молчать или вы пропали”* (Пушкин).

Типичной для «лингвистического языка» является посессивная конструкция *язык + существительное* (обычно во множественном числе) в родительном падеже или эквивалентное ему отыменное прилагательное. Зависимый член интерпретируется как минимум в двух смыслах, не всегда четко разграничиваемых:

- материал знаков (*язык мимики, жестов, танца, цветов; мимический, словесный, звуковой, беззвучный, цветовой, музыкальный язык*);
- пользователи языка (*язык животных, математиков, любви, страстей; собачий, медвежий, птичий, математический язык*).

Эти разновидности представлены отдельно в следующем предложении: *Еще до того, как сходились хозяева, обе собаки бежали друг к другу и коротко беседовали на собачьем языке жестов и взглядов: “Ты кто: он или она?”*

(Троцкий). А в следующем предложении различить эти значения трудно: *А вы, часов кремлевские бои – / Язык пространства, сжатого до точки* (Мандельштам). Ведь *пространство* может интерпретироваться с одинаково сильной натяжкой как материал знаков и как пользователь.

Характеристика ментальности с помощью конструкции *язык + Р. п.* является избитым журналистским штампом¹: *Нынешняя официальная формула внешней политики, широко рекламированная не только советской дипломатией, которой позволительно говорить на условном языке своей профессии, но и Коминтерном, которому полагается говорить на языке революции, гласит: “Ни пяди чужой земли не хотим, но не уступим ни вершка и своей земли”* (Троцкий)².

Вариант посессива с предлогом *у* (конструкция *язык у X-а*) допускается, только когда зависимый член обозначает пользователей языка (для материала знаков он не разрешается, ср.: *Язык танца очень труден* и **Язык у танца очень труден*), и то далеко не для всех ролей лингвистического языка. Так, допустимы предложения: *Язык у басков довольно трудный*, несколько хуже: *Люблю я язык у англичан* и *Существительных очень мало в языке у туземцев* (соответственно для объектного языка и языка-хранилища), но вряд ли можно сказать: *??На языке у басков это называется реквизицией* (для языка-сцены) и еще хуже: **Выражаясь языком у басков, врага нейтрализовали* (для языка-

¹ В английском таким именованьям языка, кроме посессивной конструкции, соответствуют особые средства: 1) производные прилагательные и существительные с суффиксом *-ese*, обозначающие манеру речи, стиля, ментальности: *scientese* – ‘наукообразный’, *cablese* – ‘язык телеграмм, телеграфный стиль’, *cockneyese* – ‘лондонское просторечие, язык кокни’; *computerese* – ‘жаргон программистов’; *militarese* – ‘военный язык’; *Pentagonese* – ‘военно-бюрократический жаргон, язык Пентагона’; *journalese* – ‘газетный штамп, газетный язык’; *newspaperese* – ‘газетный язык, газетные штампы, избитые газетные обороты речи’; *educationese* – ‘невнятный язык педагогической науки’, ‘педагогическая заумь’; *childrenese* (амер.) – ‘язык общения взрослых с детьми’; *officialese* – ‘канцелярит, бюрократический язык’; *governmentese* – ‘язык правительственных документов’; *translatorese* – ‘язык переводной литературы, переводческих штампов’; *novelese* – ‘язык и стиль низкопробных любовных романов, пошлый стиль’; 2) сочетания со словом *parlance* – ‘манера говорить или выражаться, язык’, например: *newspaper / military parlance* – ‘газетный / военный язык’; *in common / ordinary parlance* – ‘в просторечии’; *in legal parlance* – ‘на юридическом языке’; *in more modern parlance* – ‘на современном жаргоне’; *in nautical parlance* – ‘на языке моряков’; *in vulgar parlance* – ‘выражаясь грубо’; 3) производные существительные с суффиксоидом *-speak* также со значением ‘язык, жаргон’, например: *technospeak* – ‘технический жаргон, злоупотребление технической терминологией’; *doublespeak* – ‘двуличные речи’.

² У него же: *язык математики, язык общественного оборота, денежный язык, язык денежного расчета, биржевой язык* и т. п. В современной публицистике находим, кроме того: *язык шахмат, язык науки, язык нового мира, военный язык* и т. п.

инструмента). Этого запрета нет в случае анатомического языка, например: *На языке у коровы образовалась мозоль.*

«Нелингвистический» язык по-русски упоминается в следующих значениях.

1. Прямые значения (анатомио-гастрономический язык).

1.1. Орган в полости рта в виде мышечного выроста, главное предназначение которого – пережевывать и глотать пищу. Среди прочего, во фразеологии говорят о следующих предназначениях такого языка (переносным значением в соответствующей идиоматике обладает не слово *язык*, а обрисовываемая ситуация в целом): а) лижущий язык; например: *До вечера она [собака] их ласкала, / Причесывая языком* (С. Есенин); б) симптоматический язык; например, высунутый язык как симптом усталости: [...] *и ты отлично знаешь это, и все равно лезешь, карабкаешься – язык на плечо* (Стругацкие); в) символический язык; например, показ языка – символ презрения: *И между тем она героя / Дразнила страшным языком* (А. С. Пушкин).

1.2. Материал для приготовления блюда, также называемого *язык*.

2. Переносные значения.

2.1. «Органический» язык, т. е. язык как орган в полости рта, на котором речь образуется («язык-станок» для «изготовления» речей), например: *проситься на язык, вертеться на языке, (быть) на языке, сорвалось / слетело (слово) с языка.*

2.2. Предмет, имеющий форму языка: *язык пламени, колокола, ботинка*; эта группа ролей маргинальна, если нет дальнейшего переноса. В результате же дальнейшего переноса получаем очень широко употребительную разновидность – действующий органический язык (*болтающий язык; развязывать язык* и т. п.), иногда олицетворяемый: *Враги-то мои, злые-то языки эти все что заговорят, когда без шинели пойдешь?* (Ф. М. Достоевский).

Далеко не во всех языках «лингвистический» язык именуется так же, как «органический»: так, в украинском и чешском лингвистический и органический языки называются по-разному; зато в польском и болгарском соотношение примерно то же, что и в русском. Английское *language*, французское *langage*, немецкое *Sprache*, литовское *kalba* не означают материальный объект. В то же время по-французски можно в значении «лингвистический язык» употребить *langue*, по-английски *tongue*, а по-немецки *Zunge* и т. д., прямое значение которых «орган во рту», а переносное – «речь»¹. Причем для английского² и немецкого такое употребление архаично, да и по-литовски *liežuvis* (язык как орган во рту) в значении «лингвистический язык» является нечастой метафорой³.

¹ Английское *tongue* и немецкое *Zunge* восходят к тому же индоевропейскому корню, что и латинское *lingua*.

² Например: *This at first seemed to be a translation of the song into some foreign tongue* (F. Scott Fitzgerald, *The Beautiful and the Damned*, 1922).

³ Ср.: *Taip, tarp kitų, Jonas Juškevičius iš Kazaniaus rašė: «Aėiu, šimtąsyk aėiu už žodžius, parašytus tokiu gražum liežuviu lietuvišku, kokį skaityti ir sapnyj nesapnavau...»* (Jonas Basanavičius, *Mano gyvenimo kronika ir nervų ligos istorija*. 1851-1922). «Так, между прочим, писал Йонас Юшкевичус из Казани: «Спаси-

По определению, объектом лингвистики является «лингвистический» язык (в том числе и метаязык лингвистики), а не органический язык. Этот язык – как и другие «концепты» – воссоздается, «реконструируется» (лингвистом) исходя из наблюдений над тем, как о нем говорят: реальностью в этом случае для лингвиста является наблюдаемая речь о языке (текст) ¹.

В разных культурах концепт «язык» реализовался в виде иногда очень разных понятий. Так, по-русски мы говорим *на* некотором языке, и концепт «язык» реализуется как понятие сцены общения, а находим мы различные явления и единицы *в* этом языке, и концепт реализуется как понятие хранилища. По-английски же, как и по-французски, по-немецки и т. д., можно и *сказать нечто в некотором языке, и найти те или иные явления в языке* ²: хранилище совмещено с местом применения языка, и общение (как его представляют по-немецки и по-английски) происходит в кладовой языка, а не на отдельной сцене (как по-русски).

Особое место занимает идея *лживого / правдивого* языка ³, имеющего значение ‘речь (лингвистический язык) и приемы речи лживого / правдивого человека’. Если бы говорилось о характеристике конкретного или абстрактного предмета, то скорее следовало бы ожидать атрибут *ложный / истинный* (или *правильный*), ср. *ложное / истинное высказывание, ложное / истинное впечатление*, а за пределами локуции – *ложная / истинная сыроежка. Ложный язык* имеет анатомическое значение: что-то выросло во рту, напоминает язык, но не *истинный* язык. (Этим русский язык отличается, например, от немецкого, где один и тот же атрибут относится и к агенту, и к предмету: *eine falsche / wahre Aussage* ‘ложное / истинное высказывание’, *eine falsche Frau* ‘лживая (и / или ненастоящая) женщина’ и *eine falsche Zunge* ‘лживый / ложный язык’.) Тем не менее нельзя однозначно квалифицировать *лживый язык* как лингвистический (язык, порождающий лживые речи), а не метонимический органический язык (орган речи лгуна).

Высказывания о лживости легче всего конструируются, когда органический язык получает атрибуты, характеризующие именно человека: *лживый*,

бо, сто раз спасибо за слова, написанные таким красивым языком литовским, на котором читать и во сне не мечтал» (Йонас Басанавичюс, Хроника моей жизни и история нервной болезни, 1851–1922).

¹ Понятие конструируется людьми, это «конструкт»: договоренность (часто – невысказанная) людей о том, как интерпретировать происходящее в мире. А в речи о «концептах» человек исходит из презумпции их существования независимо от интерпретатора и как о том, что требуется реконструировать. Концепты – «реконструкты», на основе которых реализуются конструируемые человеком понятия. Подробнее см.: [Демьянков, 2001].

² Например, у Оскара Уайлда в разных местах читаем: ... *the noblest of sacred poems in our language* «самое благородное из священных стихотворений на нашем языке»; *There is no such word in the English language as **novelle*** «В английском языке нет слова **novelle**»: в обоих случаях имеем предлог *in*.

³ Например: *Кто выражается правдивым языком, / И русской Глупости не хочет бить челом!* (Пушкин); *Правдив и свободен их вещей язык / И с волей небесною дружен* (Пушкин).

клеветнический язык у честного и правдивого человека может быть разве что на приеме у психоаналитика. То же справедливо для других языков: немецкое *eine falsche Zunge*, норвежское *en svikefull tunge* и т. д., как нетрудно предсказать, означают лживость. Но плюс к этому, в других языках можем найти еще и нечто иное. Например, по-немецки *mit gespaltener Zunge reden*, буквально ‘говорить расщепленным языком’, значит ‘быть двуличным, двурушником’: одним людям говорить одно, а другим – противоположное, в результате чего наверняка солгать одному из двоих. Этот образ близок к арабскому *لُي ليسانِي* – букв. обладатель (لُي) двух языков (форма родительного падежа двойственно-го числа) – ‘двуязычный, двуличный’.

Заключение

При анализе контекстов употребления слов класса «язык» в текстах на разных языках сферы интересов лексикографа и философа языка не совпадают. Лексикографу наиболее интересно узнать, какие «роли» и в каких контекстах играет слово *язык*. Философ же стремится выяснить, каков сам по себе тот «актер», которого мы воспринимаем как более или менее удачного исполнителя ролей, лишь догадываясь о том, с каким трудом (или, наоборот, с какой легкостью) этому исполнителю даются все эти роли. Однако можно констатировать, что образы языка у носителей русского языка иногда заметно отличаются от образов языка в иных языках.

Литература

Демьянков В. З. Семантические роли и образы языка // *Язык о языке* / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000. С. 193–270.

Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // *Вопросы филологии*. 2001. № 1. С. 35–47.

Демьянков В. З. Цивилизационные параметры когнитии: лингвистика – эстетика – этика – психология – логика // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 1. С. 32–47.

Gabelentz G. von der. *Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse*. Lpz., 1891.

Marty A. *Grundfragen der Sprachphilosophie: Eine Vorlesung aus dem Jahre 1904* // Anton Marty, *Nachgelassene Schriften: Aus «Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie»: I. Psyche und Sprachstruktur: Mit einer Einleitung und Anmerkung* / Hrsg. Von O.Funk. Bern, 1940. S.75-117.

Article metadata

Title: Images of language from a contrastive point of view.

Author: V.Z. Demyankov.

Author's e-mail: valera.valing@gmail.com.

Author affiliation: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Abstract: Corpus-linguistic investigations of the last years have revealed deep connections between the structure of languages and the ways people belonging to different cultures talk about language and thought. The paper demonstrates a contrastive approach to folk-linguistic images of the language attested in Russian and in several other languages.

Key terms: linguistic metalanguage, concept vs. notion of language, sociology of text, investigation of human mentality.

Reference literature (in transliteration):

Demyankov V. Z. Semanticheskie roli i obrazy jazyka // Jazyk o jazyke / Pod red. N. D. Arutjunovoj. M., 2000. S. 193–270.

Demyankov V. Z. Ponjatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom jazyke // Voprosy filologii. 2001. № 1. S. 35–47.

Demyankov V. Z. Civilizacionnye parametry kognicii: lingvistika – jestetika – jetika – psihologija – logika // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2013. № 1. S. 32–47.

Gabelentz G. von der. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Lpz., 1891.

Marty A. Grundfragen der Sprachphilosophie: Eine Vorlesung aus dem Jahre 1904 // Anton Marty, Nachgelassene Schriften: Aus «Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie»: I. Psyche und Sprachstruktur: Mit einer Einleitung und Anmerkung /Hrsg. Von O.Funk. Bern, 1940. S.75-117.